

Верность виконтессы. На службе Ее Величеству

Верная своей королеве, виконтесса Сабина не раз доказывала свою преданность престолу. Теперь Бланка готова доверить ей миссию государственной важности. Вместе с любимым Габриэлем, вассалом Ее Величества, Сабина отправляется в длительное путешествие, чтобы вернуть христианам и привезти во Францию часть Животворящего Креста. Пророчество гласит, что сделать это может только женщина. Прибытие в древнюю Акру оборачивается пленом Сабины. Чтобы спасти любимую, Габриэль вынужден исполнить поручение могущественного Малика ибн Музаффара. Тем временем Сабина оказывается у Хайфы — бывшей любовницы Габриэля. В сердце Хайфы уже зреет черная злоба. Соперница решает во что бы то ни стало разлучить любящие сердца, не дать Сабине спастись и воссоединиться с Габриэлем.

Софи
Нордые

ВЕРНОСТЬ ВИКОНТЕССЫ

На службе Ее Величества

КСД

ВЕРНОСТЬ
ВИКОНТЕССЫ

Софи Нордье

ВЕРНОСТЬ
ВИКОНТЕССЫ
На службе Ее Величества

Роман

ХАРЬКОВ
2021 КСД

КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-9238-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайнер обложки Анастасия Попова

Вірна своїй королеві, віконтеса Сабіна багато разів доводила свою відданість престолу. Тепер Бланка доручає їй місію державного рівня. Разом з коханим Габріелем, васалом Її Величності, Сабіна вирушає в тривалу подорож, щоб повернути християнам і привезти до Франції частину Животворного Хреста. Пророцтво говорить, що це може зробити лише жінка. Прибуття в давню Акру обертається полонем Сабіни. Щоб врятувати кохану, Габріель змушений виконати доручення всемогутнього Маліка ібн Музаффара. Тим часом Сабіна опиняється у Хайфи — колишньої коханки Габріеля. У серці Хайфи вже зріє чорна ненависть. Суперниця вирішує будь-що розлучити кохані серця.

Нордье С.

Н82 Верность виконтессы. На службе Ее Величества : роман / Софи Нордье. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 544 с.

ISBN 978-617-12-9086-0

Верная своей королеве, виконтесса Сабина не раз доказывала свою преданность престолу. Теперь Бланка готова доверить ей миссию государственной важности. Вместе с любимым Габриэлем, вассалом Ее Величества, Сабина отправляется в длительное путешествие, чтобы вернуть христианам и привезти во Францию часть Животворящего Креста. Пророчество гласит, что сделать это может только женщина. Прибытие в древнюю Акру оборачивается пленом Сабины. Чтобы спасти любимую, Габриэль вынужден исполнить поручение могущественного Малика ибн Музаффара. Тем временем Сабина оказывается у Хайфы — бывшей любовницы Габриэля. В сердце Хайфы уже зреет черная злоба. Соперница решает во что бы то ни стало разлучить любящие сердца.

УДК 821.161.1(477)

© Северина О. В., 2021

© DepositPhotos.com / chromoprisme, обложка, 2021

© Trevillion Images / Lee Avison, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

...будучи дочерью короля Кастилии и английской принцессы,
она так благородно управляла королевством,
блюдя славу своего сына и пользу государства,
что память о ней осталась в веках,
а ее славное имя превозносят потомки.

Из резолюции французского парламента от 21 апреля 1643 года

Исторические лица — персонажи

КНИГИ

Бланка Кастильская (1188—1252) — с 1200 г. супруга французского короля Людовика VIII Льва. Королева Франции с 1223 г., регентша при малолетнем сыне Людовике IX (1226—1235). Управляла Францией (1248—1252) во время отсутствия короля, участвовавшего в Седьмом крестовом походе.

Людовик (Луи) IX Святой (1214—1270) — король Франции в 1226—1270 гг. Сын Бланки Кастильской и Людовика VIII. Канонизирован в 1297 г.

Остальные дети Бланки Кастильской и Людовика VIII (пятеро умерло в младенчестве):

Филипп (1209—1218)

Робер (1216—1250)

Жан Тристан (21.07.1219 — 1232)

Альфонс (11.11.1220 — 21.08.1271)

Филипп Дагобер (20.02.1222 — 1232)

Изабелла (14.04.1225 — 23.02.1269)

Карл (Шарль) (21.03.1227—7.01. 1285)

Робер III де Дрё по прозвищу **Гастебле** (1185—1234) — граф де Дрё и де Брен. Род Дрё — боковая ветвь королевской династии Капетингов.

Аэнор де Сен-Валери (1192—1250) — с 1210 г. супруга Робера III де Дрё.

Романо Франджипани — кардинал де Сент-Анж, легат при французском дворе папы Гонория III и Григория IX.

Пьер I из рода Дрё, по прозвищу **Моклерк** (ок.1190—1250) — с 1213 г. герцог Бретани. Родной брат Робера III де Дрё.

Иоланда Бретонская (1218—1272) — дочь герцога Пьера де Дрё.

Раймон VII де Сен-Жиль (1197—1249) — с 1222 г. последний самостоятельный граф Тулузы.

Тибо IV Шампанский (1201—1253) — граф Шампани и Бри, с 1234 г. король Наварры. Знаменитый средневековый французский поэт, получивший прозвище Принц Труверов.

Амори де Монфор (1192—1241) — с 1218 г. сеньор де Монфор-л'Амори, с 1226 г. — граф де Монфор.

Гуго X де Лузиньян (1187—1249) — граф де Ла Марш, с 1220 г. — граф д'Ангулем.

Изабелла Ангулемская (1188—1246) — графиня д'Ангулем, королева Англии. Первый брак (1200—1216) с английским королем Иоанном Безземельным, второй — с Гуго X де Лузиньяном (с 1220 г.).

Матильда де Даммартен (1202—1259) — графиня Даммартена, Булони и Омаля, с 1218 г. — супруга Филиппа Юрпеля, младшего сына короля Филиппа Августа.

Филипп Юрпель (1201—1234) — единокровный брат Людовика Льва и дядя Людовика IX.

Матье II де Монморанси (1174—1230) — коннетабль Франции (1218—1230).

Маргарита Прованская (1221—1295) — старшая дочь Раймунда Беренгера IV, графа Прованса. С 1234 г. супруга Людовика IX Святого.

Иоанн (Жан) де Бриенн (1170—1237) — король Иерусалима (1210—1212). Регент Иерусалимского королевства при малолетней дочери Иоланде (1212—1225). Регент и коронованный император — соправитель Латинской империи (1229—1237) при малолетнем Бодуэне II де Куртене.

Иоанн III Дука Ватац (1192—1254) — второй Никейский император (1222—1254).

Бодуэн II де Куртене (1217—1273) — император Латинской империи (1228—1261).

Мария де Бриенн (1224—1275) — супруга Бодуэна II де Куртене и дочь Иоанна де Бриенна. Императрица Латинской империи (1234—1261).

Другие исторические лица, упомянутые в книге

Людовик (Луи) VIII Лев (1187—1226) — король Франции в 1223—1226 гг. Муж Бланки Кастильской и отец Людовика IX Святого.

Бартеlemi де Руа (1170-е — 1237) — с 1208 по 1237 г. великий камерарий Французского королевства.

Гийом Овернский (1190—1249) — епископ Парижский с 1228 г. Советник и духовник Людовика IX.

Филипп II Август (1165—1223) — король Франции (1180—1223). Величайший монарх эпохи Средневековья. Дед Людовика IX.

Алиенора Аквитанская (1122—1204) — королева Франции с 1137 по 1152 г. (брак с Людовиком VII Молодым), королева Англии с 1154 г. (брак с Генрихом II). Бабушка Бланки Кастильской.

Генрих II Плантагенет по прозвищу Короткий Плащ (1133—1189) — король Англии в 1154—1189 гг.

Генрих III (1207—1272) — король Англии (1216—1272). Сын Джона и Изабеллы Ангулемской. Кузен Бланки.

Ричард Корнуоллский (1209—1272) — родной брат Генриха III.

Фридрих II Гогенштауфен (1194—1250) — король Сицилии, король Германии (с 1212 г.), император Священной Римской империи (с 1220 г.), с 1229 г. король Иерусалима.

Григорий IX (1145—1241) — папа римский с 1227 по 1241 г. В миру Уголино ди Конти, граф Сеньи.

Аршамбо VIII де Бурбон Великий (1189—1242) — сеньор де Бурбон, коннетабль Оверни (1223—1230).

Иван Асень II (1190—1241) — царь Болгарии (1218—1241).

Аль-Камиль (1177—1238) — султан из династии Айюбидов, правивший в Каире (1218—1238).

Франция. Март 1234 года

Подавленный граф Робер медленно вошел в свой кабинет и на биение сердца замер у захлопнувшейся за ним двери. Вечер как вечер, откуда раздражение? Вернулся из спальни жены, все как обычно. Робер никогда не оставался у Аэнор на ночь, хотя супружеский долг выполнял исправно. Так он когда-то решил и своему условию не изменял уже много лет.

Не успел он поставить на место переносной масляный светильник, как дверь с привычным скрипом приоткрылась и в проеме показалась голова заспанного камердинера. Граф кратким «Я сам!» отправил слугу спать.

Возня никак не потревожила сладких снов юного пажа, который, словно котенок, свернулся калачиком на широкой, обитой овчиной лавке. Робер ухмыльнулся: совсем ребенок. Он предпочитал у себя в услужении взрослых людей, но за нового пажа попросила супруга. Отец мальчика — их вассал — оказал ценную помощь и в благодарность попросил взять в услужение-обучение своего сына. Махнув рукой, граф согласился.

Спать совсем не хотелось. Робер плеснул в оловянный бокал вина и в задумчивости подошел к окну. Его одолевало непонятное раздражение, тело ломило, в тяжелой голове роились неприятные мысли. Скверное состояние. Приоткрыв ставни, он хмыкнул: вот причина недомогания — снегопад, да еще его возраст! Зима выдалась теплой, а тут на второй день весны повалил снег. В следующем году графу должно было исполниться пятьдесят, и его боевые раны и натруженные кости реагировали на любые изменения погоды.

Осознание надвигающейся старости не улучшило Роберу настроения. Пытаясь отвлечься, он неожиданно наткнулся на мысль-сожаление, что так и не нашел времени совершить паломничество в Палестину, чтобы разыскать иерусалимскую часть Животворящего Креста¹. Почему именно сейчас и с долей обреченности вспомнилось ему давнее желание молодости?

Разозленный Робер залпом опорожнил бокал.

Вновь заскрипела дверь. Да что ж ему не спится! Граф резко обернулся, готовясь разразиться гневной тирадой, но камердинер заговорил первым:

— Гонец из Парижа. Утверждает, что известие слишком важное.
— Впусти!

У графа сразу же повеселело на душе: ни при чем тут старость! Это его интуиция по-прежнему на высоте. Ощущение тревоги он принял за недомогание.

На пороге появился молоденький посыльный. Низко кланяясь, он от смущения, похоже, позабыл все слова. Видимо, впервые разговаривает с самим графом, — догадался Робер и помог ему вопросом:

— Письмо?

Юноша кивнул и красными, непослушными от холода руками вытащил из-за пазухи свиток. Печать незнакомая — тревога Робера усилилась. Заметив, что тающий снег ручейками стекает по плащу гонца, граф мимоходом бросил камердинеру:

— Просуши его одежду. И разбуди пажа, пусть принесет ему горячего вина с медом.

Сам Робер подошел к массивному шандалу и, развернув пергамен, сразу прочел подпись: «Изабель де Вир». Напрягая память, граф перебрал в уме имена женщин, украшавших его бурную молодость, но ничего подходящего не припоминалось. И вдруг его осенило: бывшая подопечная Габриэля, та, которая помогла когда-то похитить Сабину! Робер впился глазами в текст письма.

«Мессир! Не знаю, кто из отцов мальчика — родной или крестный — читает сейчас мое послание, но скоро случится страшное преступление. Я была проездом в Бове и случайно встретилась с Матильдой де Даммартен; она пригласила меня в гости. Опущу ненужные подробности, скажу лишь, что в ее доме мне удалось подслушать разговор. Пьер Моклерк собирается похитить сына Габриэля и Сабину! Может, это всего лишь сплетни, но я решила предупредить. На мне лежит тяжкий грех, и я хочу искупить его.

Изабель де Вир».

В кратком сумбурном письме Робер уловил искренние опасения. К тому же он доверял своей интуиции, а она говорила: над его любимой женщиной нависла угроза. Теперь же граф знал: в опасности ее сын. И... его. Ребенка назвали в честь него — Робером, и графа пригласили стать крестным отцом. Он хотел возразить, считая себя настоящим отцом этого мальчика, но вслух высказать сомнения не посмел. Однако и отказаться тоже не мог. Взрослея, мальчик становился все больше похож на Габриэля, и граф Робер понял, что ошибался. Тем не менее он привык считать тезку своим сыном, крестным или родным, какая разница?

Между тем заспанный паж, спотыкаясь, уже принес гипокрас. Озябший гонец сидел возле жарко пылавшего камина на табурете и, обхватив ладонями теплую кружку, маленькими глотками прихлебывал ароматный напиток. Граф несколько раз скользнул по юноше нетерпеливым взором. Очевидно, перехватив этот взгляд, гонец в смущении стал приподниматься, но хозяин замка жестом велел ему не вставать и спросил:

— Отогрелся немного?

Юноша кивнул.

— Давно в пути?

— Вчера днем выехал из Бове, утром был в Париже. Мадам Изабель рассказала, где найти дом супругов д'Авранш. Нашел-то я его быстро, но их там не застал. По словам слуг, господа отправились с королевским двором в Орлеан, а затем в Блуа. Я решил, что к вам в Дрё ехать ближе...

— Правильно решил. Сейчас тебя покормят, а затем ты немного поспишь. Но еще затемно, не дожидаясь рассвета, отправишься в Этамп, где сейчас находится двор. Передашь виконту д'Авраншу это же письмо. Скажешь ему, что я немедленно выехал в замок Эспри.

Ребенок был сейчас в замке один, без родителей, и Робер решил пока забрать крестника к себе. От греха подальше. Потом выяснит, слухи то были или Пьер действительно вновь решился на подлость. Что же ему неймется? Семь лет с завидным упорством он плетет интриги. Летом заканчивается его трехлетнее перемирие с королем, решил подготовиться к новому мятежу? Но уже полным ходом идет подготовка к королевской свадьбе, после которой Луи будет считаться совершеннолетним, а регентство Бланки закончится.

«Не на что рассчитывать, братец, призрачные надежды сменить регента лопнули!» — мысленно проорал Робер и тут же мотнул головой: хватит размышлять, надо действовать. Схватив переметную суму, всегда лежавшую наготове для подобных спешных выездов, граф легко сбежал по лестнице во двор. В помощь себе он взял лишь проверенного временем рыцаря Симона де Робюсте.

Маленький Робер проснулся от ощущения невесомости. Его несли. Он открыл глаза, но темнота не исчезла. Хотел поднести руку к лицу, но не мог пошевелиться. Его завернули в одеяло, как куклу. Это такая

игра? Но давно уже ночь, какие игры?! Что-то случилось? Мальчик понял: пожар! Недавно в Париже он видел горящий дом, из которого выводили и выносили людей, точно так же завернутыми в одеяла.

— Эй, кто меня несет? — крикнул Робер. — Что слу...

Чья-то большая ладонь зажала ему рот, закрыв пол-лица. Шерсть попала мальчику на язык и противно заскрипела на зубах. Робер окончательно проснулся. И испугался. По хриплому дыханию и тяжелой поступи он определил, что его несет мужчина. Но отца нет дома! Несколько дней назад родители с большей частью слуг уехали в Париж, а его оставили за старшего — так сказал папа! Где же нянька Вивьен со своим подбадривающим «храбрый мой соколенок»? Ах да, спасает своих детей. У нее в начале зимы появилась еще одна крошечная малышка; наверное, Вивьен побежала к ней.

Так кто же его несет? Ну конечно, дядя Робер! Мальчик помнил слова, которые часто повторяла мама: что граф де Дрё обладает удивительной способностью всегда появляться вовремя. Малыш обожал своего крестного. Тот без усталости играл с ним и всегда делал потрясающие подарки. Недавно на день рождения он подарил Роберу меч! Железный! Все местные мальчишки позавидовали ему до слез в глазах. Даже принц Шарль с уважением держал в руках его меч. Правда, мама долго ссорилась с дядей Робером, говорила, что нельзя дарить пятилетним мальчикам такие игрушки. На помощь пришел папа: меч малышу Роберу оставили. Клинок, конечно, тупой, и пока что не удастся уговорить оружейника наточить его, а самому Роберу еще не по силам крутить тяжелый точильный круг. Да ладно, он что-нибудь придумает...

Размышления мальчика прервал пробившийся сквозь одеяло холодный воздух. Значит, его вынесли из донжона и они во дворе. Но почему так тихо? В Париже во время пожара была паника: кричали мужчины, причитали женщины, плакали дети. Да и крестный давно бы уже заговорил с ним... Завертевшись, Робер укусил сквозь одеяло чью-то ладонь. Его больно стукнули по голове, а вскоре забросили на коня животом вниз. Всадник впрыгнул в седло, и лошадь поскакала. Юного пленника подкидывало, от толчков перехватывало дыхание. Он думал, что из него вот-вот вылетят все внутренности, но тут конь резко остановился. Послышались крики, и мальчик отчетливо различил

голос крестного. Тут же зазвенела сталь. «Бой, настоящий бой!» — с восторгом понял маленький Робер.

Но вдруг его сбросили с лошади, и, ударившись о землю, он потерял сознание.

Граф Робер в очередной раз возблагодарил свою интуицию. Он подоспел вовремя! Они с Симоном спрятались на опушке леса и в предрассветных сумерках — да еще и свежевыпавший снег добавил ясности — отчетливо видели, как из ворот замка Эспри выехали всадники. У одного из них поперек седла лежал сверток — судя по размерам, там вполне мог быть маленький мальчик. В замке тишина: ни погони, ни криков; ворота остались открытыми. Неширокая эспланада не оставляла времени на раздумья.

— Пятеро, — еле слышно произнес Робер. — Справимся, Симон?

— Не в первый раз, мессир. Главное, ребеночка не задеть.

— Надо очень постараться. И погромче кричи! Пока они придут в себя от испуга, мы кое-что успеем сделать.

Они вылетели из-за деревьев, будто черные демоны. Темные плащи крыльями взвились за спинами всадников, и гортанный клич расколол предрассветную тишину. Суеверные (как и все нечестивцы) похитители замерли от неожиданности. Двое упали на землю, даже не успев вытащить мечи из ножен. Всадник, который вез ребенка, с перепугу отбросил сверток в сторону, решив, что так ему будет проще сражаться. «Подлец!» — устрашающе рыкнул граф и схлестнулся с ним в поединке. В притворном отступлении Робер уводил смертоносные копыта лошадей от живого кокона, а когда решил, что удалился на безопасное расстояние, сделал обманный выпад, после чего с особым удовольствием проткнул мерзавца. Переводя дыхание, граф увидел, что оставшаяся пара наемников отчаянно насаждает на Симона, и рванулся ему на помощь. Несколько ловких, смертоносных ударов — и с похитителями было покончено.

Сверток с ребенком по-прежнему лежал посреди эспланады. Робер был уже рядом; спрыгнув с коня и прохрипев молитву, граф упал на колени перед ним. Побоявшись орудовать ножом, Робер руками и зубами разорвал веревку поверх одеяла. Развернул его... Мальчик дышал, но был без сознания. Граф торопливо ощупал маленькое тельце — ребенок цел. Видимо, большой слой снега вместе с одеялом

смягчили удар при падении. Робер сжал крестника в руках, и его кадык судорожно задвигался. Жгучие слезы заблестели в глазах бывалого воина.

— Сынок, очнись! Сыночек!

Ласковый знакомый голос и теплые объятия привели мальчика в чувство. Он пошевелился и открыл глаза.

— Дядя Робер! — Ребенок улыбнулся. — Значит, мама права: вы наш ангел-хранитель?

Мужчина захлебнулся от счастья. Не зная, что ответить, он с блаженной улыбкой поднялся и, держа тезку на руках, понес его в замок. Де Робюсте к этому времени уже собрал уцелевших лошадей и пошел следом.

Внутри крепостных стен их встретила настораживающая тишина.

— Симон, не могли пять человек перебить гарнизон и всех слуг, — негромко произнес граф, подозрительно озираясь вокруг, — наверняка их где-то заперли. Поищи.

Вскоре Симон освободил из казармы полдюжины охранников. Дверь была подперта огромной колодой, а ставни единственного окна забиты крест-накрест досками. Один из воинов, виновато пряча глаза, оправдывался:

— Мы спали, ваше сиятельство, когда нас заперли. В щель ставни я разглядел среди налетчиков нашего командира. Наверное, потому ночная стража и впустила их, не вдаваясь в подробности, что это с ним за люди. Продался, гад! Он у нас недавно, с осени, но все уже заметили его ненасытную жадность.

Соратники — кто кивками, кто гневными возгласами — подтвердили слова говорившего. Внезапно Роберу вспомнилось, что и Сабина с неприязнью отзывалась о новом гарнизонном командире. Граф мысленно ухмыльнулся: вот и не доверяй после этого женской интуиции.

Общую картину нападения довершил Симон, уже осмотревший замок опытным глазом:

— Проникнув во двор, нападавшие распороли стражникам глотки. Я видел этих несчастных у ворот: разрез от уха до уха. Потом забаррикадировали казарму, а после по одному, по двое согнали слуг донжона в подвал и заперли их там.

— А управляющий?

Симон пожал плечами:

— Он живет в отдельном доме, туда я еще не дошел. Наверняка и его связали спящим.

— Ясно. Делаем так! Двое, — по-прежнему прижимая ребенка к груди, Робер ткнул пальцем в воинов, стоявших поблизости, — берут мальчика и закрываются в казарме. Остальные быстро запирают ворота и опускают решетку. Слуг, живущих в отдельных домах, разбудить или освободить. До приезда хозяина никому не спать! Охранять стены! Мы в донжон.

Граф заметил, как неохотно мальчик отпустил его шею, но при этом ни разу не захныкал. Крестник — будущий рыцарь — уже знал: на войне приказы не обсуждаются. Нежно взъерошив ребенку волосы, Робер-старший передал его прямо в одеяле гарнизонному воину.

В донжоне Симон пошел освобождать челядь, а Робер, перепрыгивая через ступеньки, побежал в комнаты хозяев — убедиться, что там действительно пусто.

Неожиданно из Рыцарского зала на лестничную площадку вышел мужик с мешком в руках; оттуда торчали бронзовый канделябр и горлышко серебряного кувшина. Слуга-мародер! Решил, что украденное им спишут на похитителей ребенка. Робер почувствовал такую брезгливость, что даже не подумал вытащить меч. Но здоровый мужик — наверняка кузнец или мясник — уже возомнил себя богачом и вошел в раж. Он выхватил из-за голенища огромный нож и со звериной злобой нанес графу два удара в живот. Кольчуга под его силой разлетелась, словно ветхий холст в руках швеи. Еще ничего не понимая, Робер припал к стене и медленно сполз на пол. Убийца довольно резво для человека его комплекции побежал вниз к выходу.

Вскоре снизу донесся шум стычки и грохот падения тяжелого тела. Очевидно, Симон оказался не столь щепетильным. Раздался его крик:

— У мародера окровавленный нож. Граф ранен!

Первой к раненому прибежала Вивьен и замерла в ужасе от увиденного. Сквозь пальцы Робера, зажимающие страшные дыры на животе, обильно лилась кровь; покореженные кольца хауберка торчали из развороченной, но еще живой плоти.

— Лекаря! — Придя в себя, служанка заорала так, что у графа едва не лопнули перепонки.

— Не кричи, — прошептал он и облизнул пересохшие губы, — бесполезно.

Робер слишком много воевал и знал, что после таких ран не выживают. Мучительная боль прокатилась внутри очередной волной. Он закрыл глаза. Сил цепляться за берег жизни не оставалось. Его неумолимо уносила река забвения. Хватка смерти на мгновение ослабла, и, разлепив мутные от боли глаза, граф прохрипел:

— Маленький Робер там...

— Знаю, Симон сказал мне, — перебила его Вивьен: она хотела, чтобы он поберег силы.

Справившись с очередным пароксизмом боли, граф снова зашептал:

— Передай Сабине, я любил ее... всегда... люблю...

Он уронил голову на грудь.

Вивьен опустилась на колени и обхватила Робера за плечи. За спиной у нее уже толпились запыхавшиеся слуги, но к черту приличия! Она всю жизнь неизменно уважала этого Рыцаря, самого благородного мужчину на свете! А сейчас он умирает на ее глазах от руки какого-то воришки. Где же справедливость, Господи? Вивьен сотрясалась в рыданиях.

Робер дернулся в ее руках и замер. Навсегда.

¹ После захвата мусульманами Иерусалима в 638 г. Крест, на котором распяли Иисуса Христа, христиане разделили на несколько частей и отвезли их в главные города Ближнего Востока. В 1187 г. после поражения крестоносцев в битве при Хаттине иерусалимскую часть реликвии — «полторы пяди длины и один палец ширины и толщины столько же» — захватил победитель Саладин, после чего она считается утерянной. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иное.)

Париж. Зима 1229 года

Париж утопал в праздничной роскоши. С окон свисали узорчатые ковры, стены пестрели гирляндами из сосновых ветвей, украшенных яркими лентами; наиболее состоятельные бюргеры прикрепили над входными дверями целые полотнища переливчатого разноцветного шелка. В дни народных гуляний по распоряжению прево тесные парижские улочки каждое утро очищались от мусора. К тому же мороз безжалостно уничтожил тлетворные запахи и освежил воздух. В канун Жирного вторника² природа и вовсе сказочно одарила горожан, выстелив город пушистым снежным ковром. В общем, Париж был наряжен и чист.

Завтра Пепельная среда — начинается Великий пост. Поэтому сегодня парижане, облачившись в лучшие одежды, спешили вдоволь наесться, напиться и навеселиться на полтора месяца вперед. Дети с радостным визгом кувыркались в снегу, влюбленные парочки шушукались и целовались в самых неожиданных местах.

На углу старенькой часовни дородная женщина, сцепив ладони на плече невысокого мужа, клянчила давно желаемый подарок:

— Дидье, ну ты же обещал! Купи мне шелковую голубую ленту, она так украсит мои косы!

— Обещал? — Мужчина прищурил пьяненькие глазки. — Не помню!

— Как не помнишь? — Женщина задохнулась от возмущения. — Осенью, на День Всех Святых! А еще ты обещал подарить мне черепаховый гребень.

— Разрази меня гром, не помню!

Дидье хитро ухмыльнулся и потянулся губами к ее румяной щеке. Но женщина уже поняла, что муж дурачится, и, неожиданно гибко прогнувшись, уклонилась от поцелуя.

— Купишь обещанное — вечером зацелую тебя до смерти, — кокетливо пообещала она.

Мужчина облизнул губы, пересохшие то ли с похмелья, то ли от возбуждения, и, схватив растопыренной пятерней супругу пониже спины, решительно повернул назад к ярмарочным рядам, где в шумной торговой толкотне множество таких же подвыпивших мужей покупали своим женам долгожданные подарочки.

Посреди ярмарки на круглой площади в загодя сколоченном балагане разыгрывалась красочная костюмированная мистерия. Талантливые жонглеры, не жалея голосовых связок на морозе, демонстрировали зрителям сценки на библейские сюжеты. Такие мистерии в дни празднеств разыгрывались ежедневно во многих местах Парижа, и если все их обойти, можно воочию познакомиться с историями Ветхого и Нового Завета от начала до конца. На подобные представления съезжались толпы людей не только из близлежащих окрестностей. Не каждый крупный город мог позволить себе столь дорогостоящие мистерии. Поэтому жители отдаленных селений долгие месяцы экономили, копили деньги, чтобы несколько дней от души поразвлечься в столице.

Харчевни с постоялыми дворами собирали обильную жатву. Особенно много питейных заведений было на уступах холма Святой Женевиевы — любимом месте гуляний парижских схоляров³. Вот кто не знал меры в пьянстве и дебошах!

В этот день компания изрядно выпивших студентов отказалась платить в одной из харчевен, чем спровоцировала скандал. Жители предместья Сен-Марсель встали на сторону трактирщика, который был прав в своем возмущении: или платите, или убирайтесь восвояси, не мешайте честным людям развлекаться. Обозленные гуляки ушли, но не успокоились. Вечером схоляры разыскали дом торговца, больше всех выступавшего против них, выманили на улицу его дочь и изнасиловали. Отец услышал призывы несчастной девушки и бросился ей на помощь. Пьяные молодцы до полусмерти избили его, после чего, даже не подумав скрыться, продолжили пьянствовать в ближайшей харчевне.

Соседи уважаемого купца, разбуженные криками, быстро вооружились дубинами и ножами, разыскали негодяев и устроили кровавую бойню.

Наутро обе стороны поспешили за правосудием к парижскому прево.

Бланка от бешенства прикусила край пергамента, каким-то образом оказавшегося у нее в руках. Только что прево доложил ей о вчерашних бесчинствах схоляров в предместье Сен-Марсель. Возмущенные магистры явились с утра пораньше в Гран Шатле⁴ и потребовали

королевского суда, искренне считая, что горожане не имели права с оружием в руках защищаться от произвола студентов.

После доклада прево вышел в приемную — ожидать дальнейших распоряжений, а Бланка заметалась по кабинету. Не замечая ничего вокруг, она будто наперегонки с мыслями торопливо ходила между массивным письменным столом и камином с изысканной скульптурной отделкой, по пути натываясь на полукруглые кресла и цепляясь подолом белой котты за пузатый сундук, до отказа забитый деловой документацией.

«Непостижимо! — Мысли возмущенной и разгневанной королевы, сталкиваясь, искали выхода. — Неужели схоляры возомнили, что после их прошлогодней помощи я буду всю жизнь стелиться перед ними праздничным ковром? Не выйдет! Да, они тогда помогли освободить короля Луи от мятежников. Ну и что? Они освобождали СВОЕГО короля! Это не дает им права на привилегии. Город один и закон един для всех!»

Как же это не вовремя!

Ее шпионы докладывают, что Пьер Моклерк готовит очередной мятеж и ведет активные переговоры с Генрихом Английским. Последний, достигнув совершеннолетия, уже правит самостоятельно и жаждет отвоевать французские земли, потерянные когда-то его бездарным отцом. А потому не сегодня завтра поверит елейным обещаниям Пьера и вторгнется во Францию. Надо опередить англичан и мятежников и нанести удар по крепостям Моклерка.

А вместо этого приходится заниматься пьяным дебошем!

Бланка послала за кардиналом Романо Франджипани, чтобы посоветоваться, как лучше поступить, а папский легат опаздывает, несмотря на свою почти легендарную пунктуальность. Неужели и у него что-то случилось?

К полудню явился крайне расстроенный кардинал. Бланка, выплеснувшая неистовое возмущение в круговерти по кабинету, немного успокоилась. Пока слуги сдвигали на место кресла, поправляли на них подушки, сервировали блюдами с фруктами столик и наполняли кубки вином, королева с откровенным удовольствием разглядывала Романо. Она любила красивых людей. Кардинал же являл собой превосходный образец мужской красоты: высокий и широкоплечий, с тонкими, почти идеальными чертами лица. Густая

черная шевелюра великолепно гармонировала с большими серо-зелеными глазами. Такому впору родиться могущественным графом, а не церковником. Интересно, сколько женщин, глядя на него, приходили к такому же выводу? Бланка слегка улыбнулась, но тут же приняла подобающий ситуации серьезный вид.

— У вашего преосвященства что-то произошло?

— Простите, ваше величество⁶, за опоздание, но ночью мой дом подвергся жестокому разграблению.

— Схолары?

— Они! Все знают, что я недолголюбиваю Парижский университет за излишнее вольнодумство. Потому после вечерней бойни в Сен-Марселе студенты решили выместить обиду на мне...

— Я компенсирую ваши потери.

— Такие утраты невозможно восполнить деньгами: разбито несколько уникальных скульптур эпохи великого Августа!

Бланке до зуда на языке захотелось выругаться. Вандалы! Еще ничего в своей жизни не создали, а уже смеют... Усилием воли она подавила гнев и глубоко вдохнула. Ей не подобает сквернословить, даже мысленно.

Королева выразила искреннее сочувствие страстному коллекционеру прекрасного и приступила к обсуждению создавшейся ситуации. Они долго взвешивали все за и против и решили, что нельзя оставлять схоларов безнаказанными. Бланка решительно встала на защиту своих парижан.

В тот же вечер отряд королевских сержантов, находящийся в подчинении прево, отправился в Латинский квартал, чтобы арестовать виновных и навести порядок. Буйные студенты никого из вчерашних зачинщиков не выдали и оказали отчаянное сопротивление. Однако против профессиональных военных одной молодецкой удали оказалось недостаточно. За два дня погибло более сотни схоларов.

После похорон университетские профессора пришли во дворец с требованием выдать им прево⁷. Бланка задохнулась от негодования и демонстративно приняла их в присутствии другой пострадавшей стороны — кардинала. Мастера схолластики⁸ вступили в жесткую перепалку и в присутствии королевы едва не опустились до площадной брани, но вовремя спохватились. Бланка зло рассмеялась.

Она заявила, что прево действовал по ее приказу, и гневным взмахом руки окончила аудиенцию. В ответ Университет устроил забастовку. Королева не сдалась. Тогда схоляры и магистры толпой покинули Париж. Самые воинственные, желая насолить Бланке, перебрались в Англию, остальные в Анжер, Орлеан, позже в Тулузу.

Скатертью дорога! Не до их капризов.

Бланке по-прежнему необходимо было защищать свое регентство и трон короля-мальчика. А лучшая защита, как известно, нападение. Переговоры должного эффекта не произвели, настало время продемонстрировать мятежным баронам силу. Бланка решила осадить мощнейший замок Беллем, который два года назад отдали по Вандомскому договору герцогу Бретонскому.

2 Последний день празднеств и развлечений перед Великим постом.

3 Схоляры (школяры) — студенты. Магистры — профессура.

4 Гран Шатле, или Большой замок, охранял с севера въезд на остров Ситэ. Когда вокруг Парижа возвели стены, замок утратил свое стратегическое положение и Филипп II сделал в нем резиденцию парижского прево.

5 Цвет траура французских королей до конца XV в. В 1498 г. Анна Бретонская в знак траура по умершему королю Карлу VIII облачилась в черные одежды и навсегда изменила цвет скорби в Европе.

6 Обращение «ваше величество» возникло в Древнем императорском Риме, но затем вышло из употребления. Вновь его стали использовать в 1520 г. при коронации императора Карла V, после — ко всем монархам. До этого использовалось обращение «ваше высочество», которое позже стало применимо лишь к принцам. Во избежание путаницы и излишней для художественного романа детализации автор использует традиционные и понятные современному читателю обращения: к королю (королеве) — ваше величество, к принцу — ваше высочество, к герцогу — ваша светлость, к графу (виконту) — ваше сиятельство.

7 Парижский прево не имел права судить схоляров и магистров, поскольку в 1200 г. король Филипп Август освободил их от юрисдикции светских властей и подчинил суду епископа. Бланка сознательно пошла на нарушение традиций.

8 Средневековая философия, соединяющая в себе христианское вероучение и логику Аристотеля.

Графство Мэн, замок Беллем. Март 1229 года

Зима выдалась чрезвычайно суровой. По календарю давно был март, но лютые, как на Рождество, морозы не отступали. Огромный военный лагерь короля, осаждавшего замок Беллем, замерзал. Дров было мало. Привезенных запасов и того, что обслуга успевала нарубить за день, с трудом хватало военной элите.

Королева пригласила к себе коннетабля Матье де Монморанси, чтобы разрешить проблему с дровами. Ее круглый шатер, украшенный золотыми вертикальными полосами, находился в центре палаточного городка и был меньше шатра Луи, а значит, лучше отапливался. Поэтому краткие рабочие совещания обычно устраивали здесь.

Собравшиеся сгрудились вокруг внушительной кованой жаровни, сдвинув невысокие кресла в равноправный круг. Не до этикета. Походный кабинет, отделенный от спальни плотной шторой, выстелили коврами, но холод, продираясь отовсюду, упорно изводил.

— Матье, завтра с самого утра разошлите людей по окрестным деревням с объявлением, что король купит у населения дрова по хорошей цене: половина денье за дюжину поленьев.

— Не проще ли изъять излишки дров?

— После студенной зимы излишков ни у кого не осталось, — решительно возразила королева, — а погнав крестьян на принудительный лесоповал, мы спровоцируем бунт у себя за спиной. Я же по горло сыта неповиновением парижских студентов.

— Мы не будем обирать собственных подданных, — подал голос Луи, — и заплатим за дрова полновесным серебряным денье.

С каждой кампанией юный король все увереннее чувствовал себя на советах. Порой его категоричные замечания заставляли уважительно замолкать даже мать-регентшу. Вот и сейчас после истинно королевской реплики сына она быстро подвела итог прениям:

— Вы слышали, Матье! Назначьте человека, отвечающего за выплату денег. Думаю, уже завтра вечером простые воины и лошади отогреются возле жарких костров.

Коннетабль, оговорив детали, попросил разрешения удалиться, и Луи вышел вместе с ним. Бланка усмехнулась: наверное, король пожелал разъяснить Матье свое решение. Она заметила, что сын

предпочитал действовать убеждением, а не силой безапелляционных приказов.

Королева подошла к окошку шатра и, приподняв шторку, проводила их долгим взглядом. Как же вырос ее мальчик! Скоро ему пятнадцать, и уже приходилось поднимать голову, чтобы заглянуть в его голубые пронзительные глаза. Светлые вьющиеся волосы, идеальный рисунок губ, твердые скулы... У Бланки от гордости защемило сердце: ее сын хорошеет с каждым днем. Франция получила красивого короля.

Она улыбнулась звездам за окном и, обернувшись, приказала караульному срочно привести виконта д'Авранша.

Габриэль д'Эспри сидел на походной раскладной кровати и с ухмылкой наблюдал за тщетными потугами своего нового оруженосца Мартина. Тот с обреченным упорством копался в дорожном сундуке, выискивая, что еще надеть, чтобы не замерзнуть ночью. В жаровне скупо тлели угли, но подбрасывать новые поленья никто не спешил. Их осталось всего несколько штук, а до утра еще далеко.

Д'Эспри задумался и невидящим взглядом заскользил по незамысловатому внутреннему убранству своего шатра. Возле сундука на крестообразной подставке висел начищенный до блеска хауберк с нахлобученным сверху топфхельмом. Мечи, копья, боевой топор своеобразной пирамидкой стояли у входа в палатку. Рядом с Габриэлем на ржавой треноге чадила масляная лампа.

Неожиданно снаружи раздался голос дежурного посыльного:

— Виконт д'Авранш! Ее величество срочно требует вас к себе!

Габриэль замер. Он почти год носил новый титул, но ему все еще требовалось пару биений сердца, пока до него доходило, что обращаются к нему.

— Иду! — Запахнувшись в подбитый овчиной плащ, виконт шагнул в леденящую ночь.

Снег звонко скрипел под ногами, чистое небо подмигивало яркими звездами, доспехи и иней на деревьях искрились отблесками факельных огней, но виконту было не до красот. Дьявольский холод замораживал мысли и чувства.

Габриэль быстро шел мимо замерзших бойцов, облепивших тощие костры, через внушительный палаточный городок воинов графа

Шампанского. Большинство баронов вроде бы и не уклонялись от вассальных обязанностей, но выставили смехотворное количество воинов. Лишь Тибо привел триста рыцарей, доказывая безоговорочную верность Бланке. За Габриэлем отныне тоже стояло собственное войско из трех дюжин хорошо вооруженных всадников, не считая пехотинцев. Содержание такого отряда обходилось в солидную сумму, но амбиции не позволили виконту явиться с меньшим количеством воинов.

Он задумался. Зачем его вызвали? Срочное совещание?

После того как прошлой весной Габриэль принял деятельное участие в освобождении короля, он стал неизменным участником военных советов. Его приглашала Бланка, хотя статус виконта не всегда соответствовал высокому уровню совещаний. Габриэль старался не выпячиваться с лишними комментариями, но и просиживать штаны безмолвным истуканом на важных заседаниях было не в его характере. Постепенно вельможи стали с должным уважением относиться к его словам, да и поддержка графа де Дрё и графа де Монфора сыграла тут не последнюю роль.

Только коннетабль де Монморанси долгое время упорно игнорировал виконта д'Авранша. Но в конце концов Габриэль и к нему подобрал ключик.

Однажды на традиционном рождественском пиру он как бы невзначай оказался рядом с Матье и обронил несколько слов о его сестре Алисе де Монморанси — супруге Симона де Монфора⁹, — напомнив, что воспитывался в ее семье. Воспоминание о любимой сестренке, давно уже покойнице, нашло живой отклик в душе Матье. Слово за слово, и они весь вечер проговорили о ней, ее детях и, конечно же, о событиях альбигойских кампаний прошлого десятилетия. Видимо, то, с какой теплотой его собеседник вспоминал об Алисе, подкупило сурового коннетабля. К тому же многолетние приключения Габриэля на Святой земле успели обрасти при дворе легкой шерсткой легенд, и Матье наверняка их слышал. Постепенно он перестал видеть в виконте безродного выскочку и проникся к нему дружеской симпатией.

...Мысли Габриэля прервал сигнальный рожок, извещавший о ночной смене стражи. Послышались приказы, забегали воины.

«Бедные парни — в такой мороз стоять в карауле», — подумал виконт и, зябко передернув плечами, ускорил шаг.

Ожидавшая его королева оказалась в шатре одна. Перед ней на круглом столике в широких бокалах дымился гипокрас, на бронзовом блюде лежал сыр и ломти белого хлеба, в вазочках — оливки и копченые груши. Габриэль недоуменно глянул на это изобилие, не ко времени выставленное на столе (пора ужина давно миновала), и Бланка перехватила его изумленный взгляд.

— В такую стужу мне постоянно хочется есть, — засмеялась она. — Представляю, каково вам, крепким мужчинам. Вы наверняка все время испытываете голод?

— Верно подметили.

Габриэль ухмыльнулся и, низко склонившись, поцеловал королеву руку.

— Присаживайтесь.

Бланка указала на застеленное овчиной кресло у стола. Но виконт продолжал стоять, и она настойчиво добавила:

— Мы с вами одни, поэтому кое-какие церемонные правила можем проигнорировать.

— Я уважаю вас не только потому, что чту этикет.

Габриэль мягко улыбнулся, и королева слегка смутилась. От Сабини виконт знал, что Бланка не выносит открытой лесты, но этот комплимент ей явно пришелся по душе. Она вновь предложила ему присесть, и Габриэль покорился. По вину и закускам было понятно — беседа предстоит долгая.

Королева отпила глоток вина и, откусив кусочек оливки, начала разговор с приятной для них обоих темы:

— Как поживает мой крестник? Сабина уже восстановилась после родов? Я не видела ее и мальчика больше месяца.

— Благодарю, ваше величество, они здоровы. Супруга передавала вам большой привет; она очень скучает.

— Так я вам и поверила! Чего-чего, а скучать горластый карапуз ей точно не позволяет. Вы уже дали ей послабление? Помню, мэтр Бертран рассказывал, как вы с занудством жуткого педанта исполняли все его предписания, касающиеся режима беременной жены. Обреченная женщина едва ли не выла — вы не давали ей самостоятельно и шагу ступить!

— Не давал, — серьезным тоном подтвердил Габриэль, но, не сдержавшись, улыбнулся.

Он вспомнил, как из-за ошеломительной новости о скором появлении наследника они скорректировали дату венчания. Скромную свадьбу сыграли немедленно. Сабина с первых недель плохо переносила беременность, и королева приказала своему лекарю взять ее под опеку. Мэтр Бертран, осмотрев виконтессу, ничего не скрыл от ее мужа:

— У вашей супруги отнюдь не юный возраст, а учитывая, что это первые роды, пройдут они нелегко.

Габриэль просто ополоумел! Он следил, чтобы супруга неукоснительно выполняла все предписания лекаря. Габриэль знал о ее первой беременности в предыдущем браке, закончившейся выкидышем, и изо всех сил старался больше не допустить подобного. Сабина иногда устраивала протестующие истерики, но он не сдавался. И воскресным январским днем Господь их вознаградил. Габриэль, не меняя позы, уже много часов сидел в Каминном зале у давно погасшего очага, когда раздался ликующий крик Вивьен:

— Господин! У вас сын родился!

Глаза камеристки радостно блестели, рука убирала со щек прилипшие к ним мокрые от пота волосы: очаг в комнате роженицы был жарко натоплен. Подкативший к горлу ком мешал Габриэлю задать самый важный вопрос, но Вивьен, очевидно, прочла его во взгляде виконта и весело добавила:

— С госпожой все хорошо. Мэтр Бертран очень доволен!

Габриэль помнил, как тогда при виде камеристки встал, готовясь к худшему, но, услышав новость, вновь упал в кресло и замер. Его охватило какое-то оцепенение, и он не решался шевельнуть даже кончиком мизинца, иначе нервное перенапряжение могло исторгнуться из него женскими рыданиями. Наконец, невероятным усилием взяв себя в руки, Габриэль отправился поздравить супругу.

Задолго до появления младенца Бланка заявила, что желает быть его крестной матерью, и Габриэль с Сабиной чуть не лопнули от гордости. Крестным отцом пригласили графа де Дрё. Габриэль испытывал к нему искреннюю признательность за то, что граф не раз спасал жизнь Сабине, и вместе с супругой они посчитали, что лучшей кандидатуры им не найти.

...В воспоминания Габриэля вторгся голос Бланки:

— Помню, в соборе Нотр-Дам епископ Парижский после обряда крещения шепнул мне: «Папаша держится так важно, словно это первый ребенок, рожденный на Земле, и мир обязан ему свершившимся чудом».

Габриэль на мгновение застыл с вытянутым лицом, а затем разразился оглушительным хохотом. Не переставая смеяться, он с трудом выговорил:

— Вы знаете, ваше величество, именно так я себя тогда и чувствовал. Да, наверное, и сейчас тоже. — Успокоившись, он вытер согнутыми пальцами выступившие на глазах слезы. — Правда, теперь я подвергся домашнему диктату. Стоит мне чихнуть, не важно — от пыли или перца, как меня тут же выставляют за пределы не то что детской комнаты, но и спальни собственной жены. Осенью у камеристки Вивьен родилась дочь, и сейчас весь дом помешан на гигиене. Нас с Андрэ воспринимают как потенциальный источник заразы. Потому, чтобы сберечь мужское самолюбие, мы скрываемся в военных лагерях.

Оба рассмеялись и еще немного поговорили о здоровье Сабины, вспомнили пир после крестин. Но Габриэль понимал, что все это прелюдия. Бланка вызвала его для другого разговора. О Беллеме.

В шатер вошел слуга, чтобы подбросить горячих углей в жаровню и подлить масла в лампу. Ожидая, пока он закончит, королева встала и прошла по шатровому кабинету, как всегда, когда принимала решение. После ухода слуги она глубже запахнулась в беличий плащ — подарок новгородских купцов — и, вновь устроившись в кресле, начала:

— Есть свежие новости от вашего человека? Его, кажется, зовут Андрэ?

— Да, Андрэ. Предыдущие сведения я вам уже докладывал, а следующее послание ожидается только завтра вечером.

— Необходимо его поторопить. Наш подкоп не дал должного эффекта, рухнула лишь часть угловой башни. Новые подкопы делать некогда, иначе мы все здесь замерзнем насмерть. Даже лошади не выдерживают. Поэтому идем на штурм, но сначала — дня три — поработают камнемётные машины. К утру субботы ваш человек должен найти способ, как открыть потайную дверь в замке.

— Это окончательная дата штурма?

— Думаю, да. Пока о ней знаем лишь мы с королем, коннетабль де Монморанси и вы.

Габриэль легким кивком поблагодарил за оказанную честь, и королева закончила:

— В пятницу на общем военном совете мы обсудим детали. К этому времени у вас должны быть обнадеживающие известия от вашего лазутчика.

Андрэ случайно заметил условный знак. Может, показалось? Ведь очередной запланированный обмен сигналами должен был произойти лишь завтра! Он застыл на крепостной стене, до рези в глазах вглядываясь в темноту, и через некоторое время на окраине королевского лагеря вновь увидел волнистую линию, прочерченную ярким огоньком. Не зря его потянуло на стену! Сомнений нет — это сигнал, означавший, что завтра катапультной ему пришлют письмо. Такой способ связи они с Габриэлем разработали на крайний случай. Записку засунут в полый металлический шар, забьют его деревянным клином, сверху посылку обмажут несколькими слоями обожженной глины и под видом снаряда в полдень запустят в замок.

Видимо, что-то случилось и планы изменились. Андрэ задумался, но тут же вздрогнул: снизу раздался нетерпеливый окрик. Лазутчик обреченно вздохнул и фальцетом, подражая женскому голосу, пропищал:

— Спускаюсь, дорогой! Зацепилась подолом за крюк, уже бегу.

— Что за каприз прогуливаться ночью по крепостным стенам? — буркнул недовольный мужской голос внизу.

— Я же говорила: люблюсь звездами. Придержи лестницу.

— Держу! Смелее!

Басовитый голос продолжал сокрушаться о причудах женского характера, а Андрэ, задрав юбки, не спеша спускался по длинной деревянной лестнице, приставленной к крепостной стене. Как хорошо, что его сейчас не видит жена Вивьен — иначе год хохотала бы без передыха!

Идея нарядить его служанкой пришла, конечно, Габриэлю. Как-то на ярмарке Андрэ, дурачась, нацепил на себя барбетт, а проходивший мимо рыцарь не разглядел его как следует из-за прилавок и послал

воздушный поцелуй. Долго они тогда смеялись вслед убегающему сконфуженному кавалеру. Перед осадой Беллема Габриэль размышлял, как лучше зацепиться внутри замка, и неожиданно предложил оруженосцу переодеться служанкой. Андрэ — невысокий, худощавый, со смазливой мордашкой — очень походил на привлекательную девушку. Значит, ему проще будет влюбить в себя какого-нибудь воина и разузнать через него нужную информацию. Так они и сделали.

Дней за пять до прибытия королевской армии Андрэ под видом наемной служанки попал в замок, и уже на входе ему подмигнул начальник караула! Это был весьма покладистый парень Жермен; он помог Андрэ устроиться подсобником, точнее подсобницей в кухне, обслуживающей гарнизон. Андрэ переживал, что ему придется спать вместе с другими девицами-кухарками. Но, хвала Господу, в их переполненном дортуаре¹⁰ не нашлось места, и ему выделили топчан в чуланчике. Можно незаметно бриться. Правда, природа весьма скудно оделила его бородой, но и от этой светло-рыжей щетинки время от времени необходимо избавляться. Да и естественную нужду по ночам сподручнее справлять. В общем, с бытом ему повезло.

Днем лазутчик тяжело трудился: приносил воду, хворост, выносил мусор, помогал всем без разбору, а вечером встречался с ухажером. Прогуливаясь, Андрэ изучал замок и узнавал из уст болтливого кавалера секреты этого древнего строения.

Крепость насчитывала не одно столетие; она была построена на невысоком холме в виде скошенного прямоугольника с дюжиной башен и огромным, почти неприступным донжоном. Внутри стен территория была плотно усеяна казармами, конюшнями, жильем прислуги, сараями, кузницами. Строения опутывали извилистые улочки, сходящиеся в центре у почерневшей от времени капеллы с узкими окнами-бойницами. Всего век назад могущественные бароны Беллема — их земли находились на границе Нормандского герцогства¹¹ — беспрерывно сражались с английскими королями. Генрих Боклерк¹² в конце концов победил, и замок отошел короне. Затем Филипп Август, отвоевав Нормандию и графство Мэн, присоединил Беллем к французскому дому. Два года назад замок согласно условиям Вандомского мира передали герцогу Бретонскому, и тот успел хорошо его укрепить.

Такие замки тяжело взять штурмом. Однако в древних крепостях любили устраивать подземные ходы наружу или засекреченные двери-выходы. Именно на это и делал главную ставку Габриэль, засылая в Беллем лазутчика. И однажды Жермен подтвердил: в замке действительно есть потайная дверь, о которой знают лишь избранные. В тот же вечер Андрэ, стоя на крепостной стене, прочертил в воздухе светящимся факелом букву «Р»: дверь [13](#).

Теперь нужно узнать, где она находится и как ее открыть. Вся надежда на Жермена и его, Андрэ, актерские способности. Правда, особенных усилий прикладывать не пришлось — горе-кавалер быстро в него влюбился. У слегка опешившего молодого лазутчика возникла другая серьезная проблема: не проворонить руку Жермена, настойчиво пробирающуюся ему под юбку. Ухажера хватит удар, когда вместо женских прелестей он наткнется на весьма солидное мужское естество. Андрэ представил эту сцену и не сдержал улыбку. К груди-то он привязывал скомканную ткань — пусть тискает, а вот ниже пояса придумать что-то было тяжело.

Чтобы как-то оградить себя от сексуальных домогательств, лжедевица наплела про приданое от тетушки, которое получит ее супруг при условии, если она пойдет под венец девственницей. Жермен клюнул и решил потерпеть, пообещав после осады... жениться. Пусть тешится надеждой! Главное, что он перестал задирать подол! Правда, кавалер потребовал закрепить помолвку страстным поцелуем. Пришлось уступить. Андрэ, передернув плечами, сплюнул. На что только не пойдешь, чтобы уберечь свою девичью честь.

Как же он замерз на этом дьявольском морозе, стоя на высокой крепостной стене! От ледяного ветра Андрэ пытался укрыться за мерлонами [14](#), но холод доставал его везде. Хорошо, что никому нет до него дела: шел обстрел, и осажденные попрятались от каменных ядер. Единственная польза от жутких холодов — все они замотаны в груды одежды, под которой тяжело распознать особенности тела. Летом Андрэ давно бы разоблачили. Коротко стриженные волосы он скрывал под койфом [15](#), который никогда не снимал, а сверху накрутил слоями огромный платок, надежно скрывающий, кроме прочего, и его кадык. Правда, как-то неугомный Жермен, обнимая Андрэ за шею, спросил, где коса, почему не прощупывается. Пришлось наплести, что по осени

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ